

то обрати кровью обогранный твой меч в свое сердце: ибо чрез двенадцать месяцев ты целым годом долее упражнялся в законе, нежели теперь; и, следовательно, оной лучше будешь разуметь, чем в сие мгновение». Эту речь слышит «обладатель правоверных» и отпускает Мегемеда, а через десять лет первосвященник приглашает его на пир, где собираются шестьдесят священников шестидесяти различных законов.

Эта повесть Антона Валля, в которой убедительно обосновывалась идея веротерпимости, привлекла Карамзина случайно. Всякий фанатизм и суеверие всегда внушали ему отвращение. Говоря о Вольтере, русский писатель замечает: «К чести его можно сказать, что он распространил сию взаимную терпимость в верах, которая сделалась характером наших времен, и наиболее посрамил гнусное лжеверие». Однако тут же Карамзин делает оговорку: «Но я не могу одобрить Вольтера, когда он от суеверия не отличал истинной христианской религии».⁴²

Признание законности существования различных верований и вместе с тем сохранение религиозности — такова позиция Карамзина, достаточно прогрессивная для его времени. Естественно, что произведения европейской литературы, где высказывались аналогичные взгляды, привлекали внимание писателя. Так, в «Московском журнале» он поместил перевод с немецкого под названием «Кофейный дом. Из нового азиатского путешествия». Здесь есть следующая фраза, обращенная к фанатикам: «И тот несчастный безумец, который не хочет верить бытию бога, да страдает во хладе и мраке собственного своего сердца, а не в темницах ваших!».⁴³ Эта мысль в высшей степени характерна для воззрений самого Карамзина, и в то же время она явно соотносится с философской повестью Антона Валля.

Непримиримость к насилию над религиозными убеждениями, требование свободы совести (понимаемой, разумеется, в соответствии со своей эпохой) — таковы основные идеи немецкого новеллиста, нашедшие живой отклик у Карамзина.

⁴² Московский журнал, 1792, ч. VI, стр. 185—186. — Описывая в «Письмах русского путешественника» посещение Бенедиктинского монастыря, Карамзин живо рисует аллегорический образ фанатизма: «Мне казалось, что я пришел в мрачное жилище Фанатизма. Воображение мое представило мне сие чудовище во всей его гнусности, с поднявшимися от ярости волосами, с клубящеюся у рта пеною, с пламенными, бешеными глазами и с кинжалом в руке, прямо на сердце мое устремленным» (Московский журнал, 1791, ч. III, стр. 183—184).

⁴³ Там же, ч. VIII, стр. 153.